

«Узбекский фактор» Улуса Джучи: анализ и сравнение западных интерпретаций¹

*М. Шолахов^a, М. Габдусалимова^b

^aНаучный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Республика Казахстан

ORCID: 0009-0003-6468-9812

(E-mail: muri777@mail.ru)

*Автор для корреспонденции: muri777@mail.ru

^bАО «АТМА – аэропорт Атырау и перевозки», Атырау, Республика Казахстан

ORCID: 0009-0000-5392-095X

(E-mail: madinagabdusalimova@mail.ru)

ARTICLE INFO

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

Улус Джучи,
Золотая
Орда, узбеки,
шибаниды,
тукатомуриды,
сибирские узбеки,
сарты, казахи,
туркмены,
западно-
европейская
историография,
европейская
историография,
Казахское
ханство.

МРНТИ 03.20.00

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-1-78-109>

Статья рассматривает «узбекский фактор» в структуре и эволюции Улуса Джучи сквозь призму западной историографии и сопоставляет конкурирующие интерпретации происхождения и роли узбекских групп – шибанидов, тукатомуридов и «сибирских узбеков» – в постордынской политике, экономике и культурной трансформации Трансоксианы и степного пограничья. Особое внимание уделяется тому, как различные исследовательские традиции конструируют место узбеков в системе чингизидского наследия и как эти различия обусловлены источниковой базой, теоретическими установками и политико-культурным контекстом производства знания. Методологически работа сочетает сравнительный анализ историографических нарративов (Spuler-Kissling, Rossabi, Jackson, Holzwarth и др.), источниковедческую критику (соотнесение хроник, административных актов, эпиграфики и путевых описаний) и междисциплинарную триангуляцию с данными исторической демографии, лингвистики и пространственного анализа. Показано, что корпус западных исследований в целом сходится в признании узбеков ключевым агентом фактической реставрации чингизидской власти в Трансоксиане около 1500-1507 гг., но расходится в оценке темпов седентаризации, механизмов воспроизводства «воинского слоя» и баланса между племенными институтами, суфийскими сетями и городской администрацией. Отдельно анализируются дискуссии о генезисе этнонима «узбек», «казах-узбекских» перекрёстках (миграции, политические клиентелы, династические связи) и роли сартского/персоязычного

¹Работа выполнена при поддержке проекта «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана», BR24993173.

компонента как посредника интеграции степной элиты в оазисную экономику и городскую культуру. В специальном разделе рассматриваются подходы, трактующие «узбекский фактор» либо как прямое продолжение золотоордынской модели власти, либо как разрыв с ней и переход к раннемодерным конфигурациям, что позволяет выявить идеологические и методологические послышки исследователей и встроенность их интерпретаций в более широкие дебаты о «восточном деспотизме», колониализме и модернизации. Научная новизна статьи заключается в систематическом сопоставлении западных прочтений с малоиспользованными русскоязычными и центральноазиатскими исследованиями, в привлечении понятийного аппарата сравнительной политической антропологии и исторической макросоциологии, а также в переносе фокуса с генеалогических и хронологических споров на анализ политических практик, режимов власти и режимов памяти. Делается вывод, что выбор «узбекского фактора» в качестве аналитической оптики тесно связан с национальными историографическими традициями и институциональными рамками самих исследователей. Тем самым статья предлагает уточнённое видение роли узбеков в истории Улуса Джучи и одновременно комментариев к тому, как в западноевропейской науке конструируются нарративы о степи и оседлых обществах, формируя исследовательский каркас для дальнейших работ по истории тюркского и постзолотоордынского пространства.

***M. Sholakhov^a**

^aResearch Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Republic of Kazakhstan

ORCID: 0009-0003-6468-9812

(E-mail: muri777@mail.ru)

*Corresponding author: muri777@mail.ru

M. Gabdusalimova^b

^b«АТМА – Atyrau Airport and Transportation», Atyrau, Republic of Kazakhstan

ORCID: 0009-0000-5392-095X

(E-mail: madinagabdusalimova@mail.ru)

The “Uzbek Factor” in the Jochi Ulus: analysis and comparison of western interpretations

Abstract. The article examines the 'Uzbek factor' in the structure and evolution of the Jochi Ulus through the lens of Western historiography, comparing competing interpretations

Received 20 October 2025. Revised 25 November 2025. Accepted 14 February 2026. Available online 30 March 2026.

Для цитирования: М. Шолахов, М. Габдусалимова «Узбекский фактор» Улуса Джучи: анализ и сравнение западных интерпретаций // Turkic Studies Journal. 2026. Т. 8. № 1. С. 78-109. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-1-78-109>

For citation: M. Sholakhov, M. Gabdusalimova The “Uzbek Factor” in the Jochi Ulus: analysis and comparison of western interpretations // Turkic Studies Journal. 2026. V. 8. № 1. P. 78-109. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-1-78-109>

of the origins and roles of the Uzbek groupings – the Shibaniids, the Tuqay-Timurids, and the 'Siberian Uzbeks' – in the politics, economy, and cultural transformation of post-Golden Horde Transoxiana. The article asks how different scholarly traditions position the Uzbeks within the Chinggisid legacy, and how these positions depend on the sources used, the theoretical frameworks adopted, and the political and cultural context of the research. Methodologically, the study employs a combination of approaches, including a comparative analysis of historiographical narratives (Spuler-Kissling, Rossabi, Jackson, Holzwarth, etc.), a source-critical examination involving the correlation of chronicles, administrative acts, epigraphic material, and travel accounts, as well as interdisciplinary triangulation with data from historical demography, linguistics, and spatial analysis (mapping oasis economies, caravan routes, and nodes of power). While Western studies broadly converge in recognizing the Uzbeks as a key agent in the de facto restoration of Chinggisid power in Transoxiana around 1500–1507, they diverge in their assessment of the pace of sedentarisation, the internal reproduction of the 'warrior stratum', and the balance between tribal institutions, Sufi networks, and urban administration (the divan, judicial practices, and fiscal regimes). Particular attention is devoted to debates concerning the origin of the ethnonym 'Uzbek', the 'Kazakh–Uzbek' crossroads (migrations, patterns of political clientage and dynastic ties), and the role of the Sart/Persian-speaking element in mediating the integration of the steppe elite into oasis economies and Persian-speaking urban culture. A separate section analyses approaches that interpret the 'Uzbek factor' as either a continuation or a rupture with the Golden Horde model of rule, thereby revealing hidden ideological and methodological premises and embedding these interpretations in wider debates on 'Oriental despotism', colonialism and modernization. Consequently, the role of the 'Uzbek factor' in the post-Golden Horde political landscape becomes clearer: it is a mechanism that synchronizes a nomadic mobilization model with urban governance institutions, drives fiscal stabilization and administrative consolidation, and explains divergences in Western interpretations of legitimacy, confessional policy, and city-steppe dynamics. The article's originality lies in its systematic comparison of these interpretations with Russian language and Central Asian works that are rarely used in Western historiography, as well as in its shift in focus from genealogical and chronological disputes to the analysis of political practices, regimes of power, and regimes of memory. Thus, the article provides a more nuanced interpretation of the Uzbeks' role in the history of the Jochi Ulus, as well as offering insights into the construction of narratives concerning steppe and sedentary societies in Western scholarship.

Keywords: Jochi Ulus, Golden Horde, Uzbeks, Shaybaniids, Tuqai-Timurids, Siberian Uzbeks, Sarts, Kazakhs, Turkmens, Western European historiography, Western historiography, Kazakh Khanate.

***М. Шолахов^a**

^aЖошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан Республикасы

ORCID: 0009-0003-6468-9812

(E-mail: muri777@mail.ru)

М. Габдусалимова^b

^bАТМА – Атырау әуежайы және тасымалдары, Атырау, Қазақстан Республикасы

ORCID: 0009-0000-5392-095X

(E-mail: madinagabdusalimova@mail.ru)

Жошы ұлысындағы «өзбек факторы»: батыстық интерпретациялар арқылы талдау және салыстыру

Аннотация. Мақала Жошы ұлысының құрылымы мен эволюциясындағы «өзбек факторын» батысеуропалық тарихнама көзқарасы тұрғысынан қарастырып, өзбек топтарының – шайбанилердің, Тоқа Темір әулетінің және «сібір өзбектерінің» – пайда болуы мен олардың Трансоксания және дала шекара аймағының постордалық саяси өміріндегі, экономикасы мен мәдени трансформациясындағы орны туралы бәсекелес интерпретацияларды салыстырады. Шыңғыс әулеті мұрасының жүйесінде өзбектердің алатын орнын әртүрлі зерттеушілік дәстүрлердің қалай құрылымдайтынына және бұл айырмашылықтардың деректік қор, теориялық ұстанымдар мен білім қалыптастырудың саяси-тарихи контексті арқылы қалай негізделетініне айрықша назар аударылады. Әдіснамалық тұрғыдан алғанда, жұмыс тарихнамалық нарративтерді (Spuler–Kissling, Rossabi, Jackson, Holzwarth және т.б.) салыстырмалы талдауды, деректанулық сынды (хроникаларды, әкімшілік құжаттарды, эпиграфиялық материалдарды және саяхатнамалық сипаттағы деректерді салғастыра қарау) және тарихи демография, лингвистика мен кеңістіктік талдау деректеріне жүгінген пәнаралық триангуляцияны ұштастырады. Батыстық зерттеулер жиынтығы, тұтастай алғанда, өзбектерді шамамен 1500–1507 жылдары Трансоксаниядағы Шыңғыс әулеті билігін іс жүзінде қалпына келтірудің негізгі әрекетшісі ретінде тануда пікір тоғыстырады, бірақ отырықшылану қарқынын, «әскери жікті» қайта жаңғырту тәсілдері мен тайпалық құрылымдар, сопылық жүйелер және қалалық әкімшілік арасындағы тепе-теңдікті бағалауда көзқарастардың сәйкеспейтіні көрсетіледі. «Өзбек» этнонимінің генезисі, «қазақ–өзбек» түйісулері (көші-қон, саяси клиентелалар, әулеттік байланыстар) және дала элитасының оазистік экономика мен парсытілді қалалық мәдениетке кірігуіндегі делдал ретінде сарттық/парсытілді компонент туралы пікірталастар жеке талданады. Зерттеудің арнайы бөлігінде «өзбек факторын» алтынордалық билік моделінің тікелей жалғасы немесе одан қол үзіп, ерте модерндік конфигурацияларға өту ретінде пайымдайтын көзқарастар қарастырылып, бұл зерттеушілердің идеологиялық және әдіснамалық ұстанымдарын және олардың интерпретацияларының «шығыстық деспотизм», отаршылдық және модернизациялау туралы әлдеқайда кең пікірталастарға кіріктірілуін анықтауға мүмкіндік береді. Мақаланың ғылыми жаңалығы батыстық оқылымдарды сирек қолданылған орыстілді және орталықазиялық зерттеулермен жүйелі түрде салыстырудан, салыстырмалы антропология мен тарихи макросоциологияның ұғымдық аппаратына жүгінуден, сонымен қатар назарды генеалогиялық және хронологиялық таластардан саяси тәжірибені, билік жүйелері мен жад ахуалын талдауға көшіруден көрінеді. «Өзбек факторын» талдау нысаны ретінде таңдау ұлттық тарихнамалық дәстүрлермен және зерттеушілердің өздерінің институционалдық шеңберлерімен тығыз байланысты екендігі жөнінде қорытынды жасалады. Осы арқылы мақалада өзбектердің Жошы Ұлысы тарихындағы рөлінің нақтыланған көрінісі мен оған қоса батыстық ғылымда далалық және отырықшы қоғамдар туралы нарративтер қалай құрылымдалатыны туралы түсіндірмелер ұсынылып, түркілік және посталтынордалық кеңістіктің тарихы бойынша әрі қарайғы жұмыстардың зерттеушілік бағдарын қалыптастырады.

Кілт сөздер: Жошы ұлысы, Алтын Орда, өзбектер, шайбанилер, Тоқа Темір әулеті, Сібір өзбектері, сарттар, қазақтар, түрікмендер, Батыс Еуропа тарихнамасы, Батыс тарихнамасы, Қазақ хандығы.

Введение

Настоящее исследование посвящено механизмам наследования политических, демографических и культурных компонентов Улуса Джучи в постзолотоордынских обществах и уточнению роли тюркизации и исламизации в формировании их институциональных траекторий. Отправной точкой служит проблема соотношения личного имени *Өзбек/Узбек* и более позднего этнонима «узбеки»: мы исходим из того, что воцарение хана Узбека символически закрепило уже идущие процессы тюркизации и религиозной консолидации, тогда как устойчивое этническое употребление термина оформилось существенно позднее, в иной политико-социальной конфигурации. В фокусе – идея «наследственной специализации»: разные ответвления постордынского мира унаследовали различимые «пакеты» компетенций – демографическое ядро, кочевую военную мобилизацию, династические формулы легитимации, а также городской фискально-бюрократический контур и литературно-культурные коды, – редко располагая их полным синхронным набором.

Эмпирически анализ опирается на сопоставление казахского кейса (как носителя генетико-демографического ядра Улуса Джучи), ногайского (с выраженным культурно-литературным пластом при значимой генетико-антропологической составляющей), узбекского (интеграция шибанидской степной политической традиции в оседлую трансокскую среду), а также казанского и крымского кейсов (как оседлых наследников, усиливших городскую экономику, фискальную устойчивость, фортификацию и институты). Показано, что сходство «гибридных» форм государственности у крымских ханов и узбекских правителей сосуществует с принципиальными расхождениями их внешнего положения (османская сюзеренитетная рамка у Крыма vs. относительная автономия Бухары) и конфигурацией опорных кочевых сил.

Материалы и методы

Под «западной историографией» в данной работе понимается западноевропейский и американский (США) корпус научной литературы. В исследовании используются открыто опубликованные труды западноевропейских и американских авторов по проблеме «узбекского фактора» в контексте Улуса Джучи. На первом этапе формируется корпус ключевых публикаций (монографии и статьи ведущих специалистов), после чего по каждой работе фиксируется, как автор определяет «узбеков», какую периодизацию предлагает и на каких аргументах строит объяснение. Далее проводится сопоставление: сверяются термины, датировки, логика интерпретации и итоговые выводы, выделяются точки совпадения и расхождения. Применяется качественный анализ текста: выписываются ключевые формулировки, группируются повторяющиеся мотивы и различия, составляется сводное резюме по подтемам (происхождение этнонима, связь с

Золотой Ордой, процессы тюркизации/исламизации, наследие в постордынских государствах). Для проверки устойчивости результатов используется перекрёстное чтение нескольких независимых исследований. Ограничения исследования состоят в том, что выборка литературы не является исчерпывающей, а выводы отражают прежде всего интерпретации западной историографии без систематического привлечения восточных корпусов. Работа выполнена как целевой обзор западной историографии по теме «узбекского фактора» в контексте Улуса Джучи; при этом труды западных популяционных генетиков привлекаются лишь как вспомогательный контекст. Вместе с тем, несмотря на приоритетное внимание к западной историографии, полноценная реконструкция проблемы методологически затруднительна без обращения к казахстанской, советской и российской научным традициям, где сформирован основной корпус источниковедческих интерпретаций, терминологических моделей и региональных реконструкций.

Степень изученности темы

Проблематика «узбекского фактора» в контексте Улуса Джучи имеет устойчивую, но фрагментированную исследовательскую традицию в западноевропейской и англоязычной историографии. Ранняя волна (конец XIX – первая половина XX вв.) представлена ориенталистскими эскизами (А. Вамбери и др.), где этнополитические процессы нередко сводились к описанию «кочевой» и «оседлой» дихотомии без чёткой источниковедческой критики. Второй этап (середина – вторая половина XX в.) дал концептуальные рамки и терминологическую ясность: Ф. Шпулер, К. Босуорт, Д. Морган, П. Голден уточнили династические линии (джучидско-шибанидская ветвь), траектории исламизации и роль степной элиты в постордынской политике, отделив личное имя *Өзбек/Узбек* от позднейшего этнонима и разграничив Золотую Орду и трансоксианский шибанидский проект. С 1990-х годов наблюдается углубление источниковой базы и междисциплинарности. И. Вашари, Б. Манз, Д. ДеВиз, А. Франк и др. рассматривают «узбекский фактор» как связку институтов: степная военная мобилизация, династическая легитимация, а также интеграция в оседлую (персоязычную) административно-фискальную среду Мавераннахра. Работы 2010–2020-х (М. Фаверо, Т. Мэй, Дж.) усиливают сравнительную перспективу внутри ордынского мира и обращают внимание на гибридные режимы власти, оборот элит и долговые/фискальные практики, но при этом нередко обсуждают «узбекский» материал в более широких сюжетах «ордынности», не всегда давая системный синтез именно по узбекской линии. В целом степень изученности можно оценить как высокую по узловым вопросам (генеалогия шибанидов; разграничение имени хана Узбека и этнонима; механизмы исламизации элит; включение степной аристократии в городскую бюрократию) и среднюю по специальным аспектам. К числу недостаточно разработанных направлений относятся:

- (1) микроистория регионов на стыке степи и оазисов (локальные конфигурации власти после завоеваний Мухаммада Шайбани);
- (2) количественные сравнения фискальной ёмкости и фортификационной инфраструктуры узбекских ханств с крымским и казанским кейсами;

(3) динамика отношений «кочевая опора – оседлая бюрократия» в долгом XVII веке;
(4) систематическое разграничение «культурно-литературного» и «демографического/генетического» наследия в ногайско-узбекско-казахских перекрёстках, выходя за пределы редукции ногайцев к «текстовой традиции».

Итог: корпус исследований предоставляет надёжные макрорамки и терминологическую точность, но требует целенаправленного синтеза по «узбекскому фактору» как особой траектории постзолотоордынского наследования – с акцентом на региональные кейсы, институциональные метрики (фиск, гарнизоны, судопроизводство), а также на сравнительный анализ с крымским и бухарским материалом в единой модели «компонентного наследования».

Анализ

Происхождение названия. Ховорт полемизирует с профессором Григорьевым, который отрицал, что турки называли племена в честь героев. Он приводит многочисленные примеры – от легендарного Огуз-хана и кипчаков до селджуков и османов – и утверждает, что практика называния по имени правителя широко распространена. В частности, он считает, что конфедерация узбеков получила имя от хана Узбека, правившего Золотой Ордой. Эта гипотеза подтверждается упоминаниями у восточных хронистов, в том числе у Шараф ад-Дина (1424 г.), который называет Идику «узбеком». Также отмечается, что при хане Узбеке чеканились монеты по всем городам Орды, что закрепило его имя в политической культуре региона (Howorth, 1880: 10). Ховорт выводит сам этноним от хана Узбека и подчёркивает его роль в обращении населения Улуса Джучи в ислам и политической консолидации конфедерации: это задавало рамку «сверху вниз» для последующего смешения племён под общим именем (Howorth, 1880: 10). Шпулер: восточные авторы всё чаще называют Дешт-и Кыпчак «страной Узбека» (реже Улусом Джучи/Берке); этноним «узбеки» возник по той же модели, что «ногайцы» от Ногая (Шпулер, 2016: 112). Австрийский ориенталист Хаммер-Пургшталь рассматривает ханство Озбега как вершину политического «цветения» Улуса Джучи и прямо выводит этноним «узбеки» от его имени, называя Озбега «родоначальником узбеков». Он подчёркивает, что название, возникшее при правителе Золотой Орды, было впоследствии «прославлено» двумя династиями в Трансоксании и Хорезме и сохранялось «доныне» среди жителей Туркестана и Афганистана. В контексте международных связей автор фиксирует брак дочери Озбега с египетским султаном ан-Насиром, давление на границы Ирана и дипломатические распри с Ильханами, а также благоволение к венецианцам в Крыму. Таким образом, у Пюргшталья этноним «узбеки» трактуется как политоним/этнополитоним, связанный с легитимацией власти через фигуру Озбега и последующую династическую преемственность в Мавераннахре и Хорезме (Hammer-Purgstall, 1840: 303–304). Тимоти Мэй полагал, что этноним «узбеки» как самоназвание народа сформировался на пике правления хана Өзбека (May, 2012: 230). Однако данная позиция, по-видимому, нуждается в уточнении: устойчивое и широкое распространение этнонима «узбеки» фиксируется позднее и не связано напрямую с самим периодом правления хана Өзбека. Его активное употребление и «пик» распространения обусловлены более поздними процессами этнополитической

консолидации, а не мгновенным, синхронным эффектом эпохи Өзбека, как это предполагает Мэй. Аналогичная динамика наблюдается и в случае с ногайским этнонимом.

«Согласно Аллену Франку и Питеру Голдену, личное имя “Узбек” засвидетельствовано в источниках ещё до правления хана Узбека и относится к пространству Дешт-и Кыпчак» (Di Cosmo и др., 2009: 221). Воцарение хана Узбека стало рубежом, после которого символически закрепились процессы тюркизации и утверждения ислама. Показательно, что само имя «Өзбек» имеет тюркскую, а не монгольскую этимологию (обычно выводится из *öz* + *bäg* – «сам себе господин»). Именная практика правящей элиты и населения Улуса Джучи, начиная с этого времени, всё отчётливее отражала и закрепляла соответствующие культурные и религиозные сдвиги.

Дуэт историков Почекаев и Мари Фаверо отмечали, что современники считали Бердибека последним ханом, происходившим от Бату. Джучидский правитель Хивы XVII века Абулгази Бахадур-хан писал: «После него [Бердибека] род Сайн-хана [то есть Бату] пресёкся. У узбеков есть пословица: “Шея верблюда была перерезана в лице Бердибека”». Те, кто правил после него, происходили уже от других сыновей Джучи-хана (Biran, Kim, 2023: 291). Тогда критика так: Абулгази – поздний автор (середина XVII в.) и пишет через три века после описываемых событий, что неизбежно влечёт (1) большую дистанцию во времени и утрату деталей; (2) опору на устные предания и династические версии, а не на синхронные документы; (3) возможную политическую ангажированность: как правящий Джучид он конструирует легитимационный нарратив; (4) анахронизмы и ретропроекции институтов XVII в. на XIII-XIV вв.; (5) расхождения с более ранними свидетельствами (летописями, генеалогиями, нумизматикой, эпиграфикой). Следовательно, его сообщение о «пресечении линии Бату при Бердибеке» следует использовать лишь как поздний историографический мотив и проверять по ранним и материальным источникам (монеты, надписи, синхронные хроники).

Фаверо в соавторстве с Почекаевым отмечают, что, хотя узбекские и казахские объединения в ряде периодов располагались вне ядра территорий, традиционно относимых к «классическому» ареалу Улуса Джучи, они сохраняли и актуализировали ордынское наследие, используя его как ресурс легитимации и мобилизации воинских контингентов. Дополнительно в литературе подчеркивается, что на западных рубежах джучидского мира правящие линии, включая крымских Гиреев, действовали в более жёстких геополитических рамках, тогда как в Центральной Азии складывалась социально-экономическая динамика, поддерживавшая подвижность и «текучесть» кочевого общества (Biran, Kim, 2023: 307). Вместе с тем в данной трактовке возможно смещение к эссенциализации узбеков и казахов как «периферийных» акторов, что упрощает реальные механизмы их включённости в постджучидское наследие. В этом смысле шибанидские узбеки и казахские тукатимуриды по-разному использовали «ордынскую память». Первые опирались на институционализацию оазисной государственности Мавераннахра и Хорезма, а также на фискально-бюрократические ресурсы городской среды. Вторые поддерживали кочевую политическую конфигурацию, основанную на широкой военной мобилизации и контроле степных транзитных коридоров. Соответственно, корректнее говорить не о «внешнем положении» этих групп по отношению к джучидскому пространству, а о различной конфигурации институтов и различных способах актуализации наследия Улуса Джучи.

В ответ на это спорное утверждение Т.И. Султанов ввел термин «дешт-и-кипчакские узбеки». Он использовал его для обозначения потомков союза тюрко-монгольских племен под руководством шибанидов, которые участвовали в завоевании Мавераннахра Мухаммадом Шейбани (Чвырь, 2006: 36). Ж.М. Сабитов отмечает, что в среднеазиатских источниках термин «узбеки» первоначально применялся ко всем кочевникам Улуса Джучи, а после завоеваний Мухаммада Шейбани главным образом к переселенцам из Дешт-и-Кыпчака в Мавераннахр. По его мнению, в Улусе Джучи не существовало отдельных этносов кочевых узбеков или татар, речь шла о едином золотоордынском этническом массиве, который в местной традиции именовали узбеками, а в европейской татарами (Сабитов, 2011: 172–173).

Мари Фаверо отмечала, что внук Эдиге Ваккас-бей был одним из ключевых сторонников Абу-л-Хайра, занял должность беклярбека и вместе с ханом стремился вернуть северный Хорезм джучидам, отвоёвывая его у потомков Тимура. При поддержке мангытов Абу-л-Хайр захватил северный Хорезм и города нижнего и среднего течения Сырдарьи (Сыганак стал его зимней столицей), однако поражение от ойратов в 1457 г. привело к тому, что мангыты и тысячи его прежних сторонников перешли к Керюю и Жанибеку, закреплявшимся в долине Чу. Именно эти группы, подчёркивает исследовательница, стали ядром политического объединения, которое в начале XVI в. закрепилось под этнонимом «казах» (Favereau, 2021: 370). Однако прямых свидетельств о массовом «переходе мангытов» в раннее Казахское ханство источники не содержат, и в последующей политической географии степи основная масса мангытов устойчиво ассоциируется с Ногайской Ордой.

«Шпулер и Кисслинг отмечали, что захват трона Золотой Орды в 1380 году вызвал миграцию кланов Белой Орды на её территорию, а узбеки впервые двинулись в направлении Бухары, Хорезма и Астарабата зимой 1405/1406 гг. С 1415 г. и далее они вели борьбу за контроль над низовьями (дельтой) Сырдарьи с войсками Улугбека, который, выступая наместником своего отца Шахруха, контролировал этот район из Самарканда (Кисслинг–Шпулер, 2022: 254). На миграцию узбеков мог также влиять Малый ледниковый период: климат южнее воспринимался Абулхаир-ханом как более благоприятный; кроме того, на юге наблюдалась меньшая конкуренция, тогда как на севере действовали Большая Орда и Ногайская Орда. Далее ряд историков отмечает, что правители прилегающих степей обращали взор на Трансоксиану и Иранское плато; однако Абулхаир переоценил свои силы и потерпел поражение в узбеко-ойратской войне 1456–1457 гг., после чего часть вождей из его окружения позднее стала именовать себя «казахами» (в историографии нередко трактуемыми как «эмигранты» или «дезертиры»). Впоследствии именно казахи долго сохраняли кочевой образ жизни и племенную структуру, удерживая архаические верования под исламской оболочкой и поглощая дулатские группы Семиречья. Абулхаир погиб в войне с казахами в 1468 г. (Кисслинг–Шпулер, 2022: 255). Закрепившись на юге и соприкасаясь с сартами, Абулхаир и его потомки перенимали более оседлые практики и административные формы трансоксской среды – своеобразного ильханидско-чагатаидского синтеза (Мавераннахр), где монгольская кочевая знать взаимодействовала с оседлым сартским городским населением (без существенного влияния шиитского ислама). Казахское ханство, в свою очередь, продолжило линию одного из наследников Улуса

Джучи, сохранив тюрко-монгольскую кочевую компоненту. Дуэт немецких историков продолжает: несмотря на то, что при тимуридском султани Хусейне Байкаре и его визире Алишере Навои предпринимались усилия возвысить чагатайско-тюркский язык до уровня литературного равенства с персидским (прежде всего трудами самого Навои и в свете мемуаров Бабура), в культурной политике Хусейна Байкары предпочтение в целом отдавалось персидскому языку. Шах покровительствовал персидской литературе и искусствам. Позднее Мухаммад Шайбани вытеснил из Герата тимуридского принца Бади' аз-Замана и установил контроль над Хорезмом. Сам Шайбани покровительствовал теологам, учёным и поэтам. Он был не менее восприимчив к персидской культуре, чем тимуриды, и сумел воспользоваться междоусобной борьбой Ахмада и Махмуда в Могулистане, заняв его западные области (Кисслинг–Шпулер, 2022: 259). Чагатай дал имя восточнотюркскому литературному языку – чагатаю, сформировавшемуся в тимуридскую эпоху и давшему начало узбекскому и казахскому литературным языкам. Монгольский ещё применяли в администрации Могулистана до 1369-го, а в Ильханате отдельные акты на монгольском встречались даже при Абу Саиде, хотя преобладал персидский (Jackson, 2017: 323). Моррис Россabi заявлял, что падение Тимуридской империи стало первым ударом по караванной торговле: ослабленные распрями тимуриды уступили кочевникам; казахи заняли степные земли, а узбеки в начале XVI века взяли Самарканд и Герат. На первых порах они грабили города и прерывали торговые потоки; и хотя позднее оседали, начальная турбулентность, распад империи и дробление на узбекские ханства временно подорвали евразийскую коммерцию (Rossabi, 1990: 360–361). Тем самым северные тукатимуриды и южные шибаниды сформировали новую военную силу, а Улус Джучи в целом вышел победителем в противостоянии с Тимуридами, начатом ещё при Тохтамыше. Питер Джэксон отмечал, что в 1500–1507 гг. узбеки восстановили де-факто чингизидскую власть в Трансоксиане, а казахи – в северных степях; именно этот ренессанс и продолжение чингизидского владычества объясняют подзаголовок Cambridge History of Inner Asia – «Чингизидская эпоха» (Jackson, 2017: 24). Узбеки распались на Тюменское ханство (Западная Сибирь) и Узбекское ханство Абу-л-Хайра; ещё до 1500 г. узбеки уступили значительную часть степей формирующейся Казахской конфедерации, чьи ханы происходили не от Шибана, а от его брата Тука-Тимура» (Jackson, 2017: 318). Военная опора шибанидов – кочевые узбеки. Постоянные кампании истощали их демографию, а борьба с казахами за города Сырдарьи усилила убыль.

Казахо-узбекский фактор

Дэвид Морган констатирует, что «некоторые казахские роды – под руководством двух монгольских принцев Жанибека и Керее – отказались принять новый порядок, вероятно, усмотрев недопустимую тенденцию к оседанию. Они бежали в восточное чагатайское ханство, в Могулистан» (Morgan, 2016: 109). Это фактически стало «естественным отбором» тюрко-монгольских групп: часть предпочла оседлость в качестве подданных Абулхаира, другая – кочевой образ жизни вместе с Кереем и Жанибеком. У казахов доля тюрко-монгольского степного компонента, по-видимому, могла быть выше, чем в улусе Абулхаира. При этом вопрос легитимности не сводился к одной линии: потомки Шибана действительно обладали правами, но тукатимуриды как потомки Джучи

и владыки Белой Орды также сохраняли законные притязания на весь Улус Джучи. Хотя среди казахов могли быть и сарты, для городского населения жизнь в Казахском ханстве, вероятно, была менее привлекательна.

Жан Поль Ру пишет, что при усилении власти Абулхаира из его орды откочевывали целые группы, которые в тюркской среде обозначались словом *qazaq*, то есть люди, вышедшие из подчинения и не желающие служить организованной власти (Жан Поль Ру, 2006: 552). Однако эту характеристику следует понимать как обобщающую и риторически окрашенную, поскольку оценочные формулы вроде варвары отражают язык автора, а не аналитическую категорию, и сам термин *qazaq* в данном контексте описывает прежде всего статус и практику откочевки, а не уже оформленный этноним.

Джу Юп Ли отмечает, что термин «казаклык», то есть *qazaq*, первоначально обозначал социально-политический статус вольного или отколовшегося воинского союза на пограничье, нередко формировавшегося вокруг чингизидского претендента. В этом смысле казаклык мог выступать временной фазой борьбы за власть, а затем в ходе исторического развития создавать основу для превращения названия *qazaq* в устойчивое политическое имя и далее в этноним. Он также указывает, что Мухаммад Шайбани и Махмуд некоторое время находились в состоянии казаклыка после поражения от Ибак хана и вынужденного бегства в 1471 году. В целом Джу Юп Ли трактует *казаклык* именно как статусное состояние (Джу Юп Ли, 2022: 144–147). По аналогии можно говорить о квазиказаклыке Чингисхана в момент откочевки от Джамуха, что типологически соответствует кочевой мобильности и практике откола воинских групп, хотя в монгольской среде этот статус так не обозначался, и сопоставление носит условный характер. Т. Султанов одним из первых акцентировал, что казаклык следует понимать как социальное состояние временного выхода из-под власти, доступное практически любому, поэтому казаком мог стать любой человек, будь он тюрк или перс, рядовой кочевник-скотовод или даже «принц крови» (Султанов, 2004: 28). В своей интерпретации я дополнительно связываю казаклык с практикой временного ухода от ханской ставки и привычных политических обязательств, то есть с сознательным выходом из «центра» власти на степную периферию.

Замечание Дэвида Моргана созвучно наблюдениям А. Вамбери, писавшего, что, по представлениям казахов, жители городов воспринимались как «больные» и «сумасшедшие», а сочувствие вызывали «все те, у кого нет монгольского типа лица». В зафиксированных им эстетических представлениях «монгольская раса» считалась высшим проявлением красоты: Бог, выдвинув вперёд скуловые кости, сделал её представителей похожими на лошадь, а лошадь у казахов почиталась венцом творения (Vambery, 2006: 225). То, что кочевые узбеки были теснее связаны с казахами, уже подчёркивается в XVIII веке: казахских чингизидов приглашали в Хиву в качестве марионеточных ханов. Это свидетельствует о кризисе легитимации узбекской государственности, традиционно связывавшей своё право на власть с чингизидским происхождением. Казахский Нурали-хан унаследовал ханский титул по завещанию отца. В конце 1740 г. хивинская знать провозгласила его ханом Хивы, однако уже в 1741 г. он бежал в кочевья своего отца (АВПРИ, ф. 99, оп. 99/3, д. 5, л. 19–21 об)¹.

¹Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) - ф. 99, оп. 99/3, д. 5, л. 19-21 об.

Beatrice Forbes Manz связывает возникновение казахской идентичности с расколом тюрко-монгольских и чингизидских правящих коалиций в постмонгольском мире, то есть в системе наследников Монгольской империи, начиная с XV века. В этой перспективе часть узбекских групп закреплялась за Трансоксанией и оазисно-городской средой, тогда как казахи (Qazaqs) конституировались как степная политическая общность, сохранявшая кочевой уклад кипчакского пояса. При этом выбор «оазис или степь» был не исходной причиной разделения, а результатом уже произошедшей политической и социальной дифференциации (Manz, 2003: 87–90; Ju-Yup Lee, 2016: 159). Тот же историк Вамбери, рассуждая об узбеках, включает в этот сюжет и Аштарханидов, фактически соотнося их с «узбекскими» группами. Он отмечает, что шибанид Искандер-хан принял аштарханида Джани Мухаммад-хана – тукатимурида по происхождению – как беженца и оказал ему высшие почести (Vambery, 2025: 355-356). В аналитических целях можно условно выделить три «узбекских» массива XV века: северный (тукатимуридский, т. н. «казах-узбеки»), южный (шибаниды Абулхайр-хана) и сибирский. Последний выглядел уязвимее – в том числе из-за воздействий Малого ледникового периода – и оставался на периферии интересов других постордынских государств. Сибирское ханство просуществовало сравнительно долго, однако в конечном счёте было покорено Московским государством. Жан-Поль Ру отмечал, что после поражения сибирского хана Кучума в 1598 г. он был вынужден скрываться и, по его версии, умер в бедности (Ру, 2006: 551).

В историографической перспективе Аштарханидов можно условно сближать скорее с северными узбеками (то есть казахами), нежели с южными шибанидами, однако данный эпизод показывает, что политические границы между этими ветвями оставались подвижными и определялись прежде всего текущими союзами, угрозами и династическими расчётами. Также Питер Джэксон, опираясь на выводы Майкла Бирана, отмечает, что «потомки Тока-Темира, бежавшие из Астрахани во время московского завоевания 1554 года и нашедшие убежище во владениях узбеков, продолжили играть значительную политическую роль. Токатимуриды, которых историки ранее называли джанидами или астраханидами, правили в Трансоксании и на землях к югу от Окса из двух центров, Бухары и Балха, приблизительно до 1750 и 1737 годов соответственно, тогда как линия Арабшахидов в Хиве сохранялась до 1727 года. В последующий период марионеточные ханы нередко происходили именно из Токатимуридов. Стремление к легитимации через связь с Чингис-ханом исчезало медленно. Постчингизидские и посттимуридские династии XVIII–XIX веков, мангыты в Бухаре с 1756 года и кунграты в Хиве с 1804 года хорошо осознавали престиж чингизидской крови и потому нередко фабриковали или подчёркивали брачные связи с потомками монгольского завоевателя» (Jackson, 2017: 319). По Питеру Джэксону (со ссылкой на Мирзу Хайдара), оседлые соседи называли кочевников Могулистана Jata/Чете – «разбойники», с оттенком «вольных грабителей», аналогично слову qazaq, ставшему именем новой мощной группы в эпоху Хайдара (Jackson, 2017: 171).

Хольцварт приводит ориентировочные оценки численности узбеков для раннего периода шибанидского завоевания. По его данным, в Мавераннахр вошло около 300–500 тыс. кочевых узбеков при общей численности населения региона не более примерно 5 млн, а даже к 1820-м годам доля кочевников оставалась высокой, около 2,5

млн всего, из них примерно 1 млн кочевников (Holzwarth, 2006: 97–98). Консервативно допустимо принимать нижнюю границу - около 300 тыс. Кроме того, после ухода Керей и Жанибека из узбекского улуса этническое ядро кочевого населения могло заметно ослабеть.

У Т.И. Султанова приведена оценка именно населения, а не только войска. Он подчеркивает, что даже если считать ушедших из степи кочевников в пределах 240–360 тыс., это не означает переселения всего массива, и, опираясь на сообщение Мухаммад Хайдар Дулати о том, что у Касыма в 1512–1518 годах был один миллион кочевников, делает вывод, что население Узбекского улуса к началу массовой эмиграции составляло не менее 1,24–1,36 млн. Он также отмечает, что определить численность отдельных дашт-и-кипчацких племен в войске Шейбани хана почти невозможно из-за нехватки источников, и фактически единственный текст с подобными сведениями принадлежит Мухаммаду Салиху (Султанов, 1982: 21).

Следует учитывать, что сообщение Мухаммада Хайдара Дулати о «миллионе кочевников» у Касыма может носить оценочно-риторический характер, фиксируя не точную демографическую величину, а представление о масштабе и мощи Казахского ханства; кроме того, сам Дулати (р. ок. 1499/1500) писал «Тарих-и Рашиди» значительно позднее (1541–1546), что делает его числовые оценки ориентировочными и требующими критической проверки по другим данным. Через гиперболизированную численность автор фиксирует появление у казахов нового легитимирующего ресурса – самостоятельной ханской общности и силы, уже не сводимой к «фрагменту» или «осколку» узбекского улуса.

В главе 53, описывая сражение Шейбани хана с монгольскими ханами в 1503 г., Мухаммад Салих сообщает о примерно 10 тысячах воинов и отмечает, что большинство составляли шибаниты. Он перечисляет племенной состав войска и называет военных лидеров, включая Хусейна Али у конгратов, Хаджи Гази у мангытов и адгу, Хамза бия у адлу оглы, Купек бия у кушчи, Джашеф бия у дурман и Канбар бия у найманов. Войско делилось на правое и левое крыло. В правое входили конграт, кыйат, мангыт, дурман, уйсун и ойрат. Левое насчитывало 1500 человек, из них 700 найманов под началом Канбар бия (Султанов, 1982: 10).

Что касается термина «узбек», в раннем новом времени он обозначал прежде всего политэтноним шибанидской конфедерации (тюрко-монгольскую мусульманскую общность). В публицистике встречаются расширительные трактовки, сопоставляющие «узбеков» с более ранними тюркизированными монголами; однако относить Амир Темура к «узбекам» корректно лишь в риторическом смысле, а не в строгом династическом (легитимность Темура как гургана отличалась по природе от чингизидской). По мере ассимиляции части узбекских групп с оседлым сартским населением менялось и содержание этнонима. Напротив, казахские объединения дольше сохраняли кочевой уклад и племенную структуру, что сближает их с «средневековыми узбеками» в культурно-социальном смысле, но не тождествляет политически.

Государство шибанидов сложилось как «второй тип» кочевой государственности: завоеватели из Дешт-и-Кыпчака вошли в оседлую зону Мавераннахра и Хорасана ок. 1500 г.; именно узбекские династии правили до 1920 г. (Holzwarth, 2006: 94-96). От задержки быстрой седентаризации узбеков сдерживали дефицит пахотных земель и устойчивость удельной (апанажной) системы власти (Holzwarth, 2006: 95-96).

Генетика узбеков. «Как отмечают Р. С. Уэллс и соавт., для узбеков авторы не выделяют доминирующую Y-гаплогруппу; указывается широкое распространение маркера M17 (R1a) в Центральной Азии и высокая внутригрупповая диверсификация узбеков (Wells et al., 2001: 10246–10247). Эти наблюдения не дают специфически “монгольского” патрилинейного сигнала по узбекам; однако в самой работе не анализируется маркер C-M217 (C2), поэтому такой вывод остаётся косвенным». У казахов доминирует Y-гаплогруппа C2 (C-M217) – в обозначениях Zerjal et al. это haplogroup 36, ~63% выборки (Zerjal et al., 2002: 474). В Тюрин показано, что у монголов-халха выделяется субклад C-F1067, у калмыков маркером назван C3c1b-F6379, а у казахов (алтайские, N=36) высокая доля C3c1-M77 (41,7%) (Тюрин, 2024: 44). У узбеков доминирующей Y-гаплогруппы нет: выборка показывает очень высокую диверсификацию (28 из 28 хромосом – разные гаплотипы); среди наиболее представленных линий – haplogroup 3 ≈ R1a и haplogroup 9 ≈ J2 (при участии 10/36) (Zerjal et al., 2002: 473–474). «Отсутствие у узбеков доминирующей Y-гаплогруппы при высокой внутригрупповой диверсификации (при заметном, но не преобладающем присутствии линий R1a и J2) указывает на сравнительно слабый и неоднородный “тюрко-монгольский” патрилинейный компонент по сравнению с ранними кочевыми сообществами. У казахов по Y-хромосоме фиксируются «монгольские» линии (прежде всего ветви гаплогруппы C, напр. высокая доля C3c1-M77 у алтайских казахов), что указывает на заметный монгольский компонент, хотя он не является полностью доказанным для всех казахских групп. Вероятно, у южных узбеков Шибанидов этот компонент размывался в результате последующих смешений и оседло-городских интеграций». Вамбери отмечает, что в Бухаре проживают около 500 индусов, «державших в руках» денежное обращение и, по его словам, «обдирающих» узбеков, а также персидские евреи, уведённые в плен при первом завоевании числом до 10 тысяч; они расселены в Бухаре, Самарканде и Карши (Vambery, 2006: 227). Эти группы, разнясь по происхождению и культуре, разумеется, не образуют единой родовой линии. В долгосрочной перспективе этноконфессиональная и демографическая разнородность региональных сообществ также способствовала генетической мозаичности узбеков, отличая их от казахов в силу более интенсивных контактов с оседлым населением.

Несмотря на эти нюансы, кочевые узбеки оставались частью тюрко-монгольского мира. Как отмечают Кисслинг и Шпулер, разгром и гибель Мухаммада Шайбани в 1510 г. показали пределы тюркской экспансии: Иранское плато в XVI в. уже не покорялось тюркам так, как в прежние века (Кисслинг–Шпулер, 2022: 264). Утрата имперских оснований привела к «сжатию» пространства власти у двух ключевых чингизидских центров: Улус Джучи постепенно терял рычаги контроля над русскими землями, тогда как Юань была вытеснена из Китая и лишилась оседлой налогово-административной базы. В постимперской степи это означало перераспределение ресурсов и усиление конкуренции за кочевья и торговые коридоры. В этих условиях ойратские объединения, ранее включённые в орбиту Юани, действовали уже как самостоятельные центры силы: опора на чингизидскую сакральность сначала сохранялась, но затем во многом ослабевала в логике, отчасти сопоставимой с тем, как Ногайская Орда постепенно функционировала как конфедерация без устойчивой привязки к верховной чингизидской власти. Долговременное соперничество ойратов с казахскими ханами сопровождалось

конфессиональной маркировкой (буддисты/мусульмане), однако его устойчивую основу составляли ресурсно-геополитические причины.

Помимо узбек-казахов тукатимуридской линии и южных узбеков-шибанидов, существовали и сибирские узбеки Сибирского ханства. По укладу они были ближе к узбек-казахам: кочевая жизнь, слабое включение ираноязычных (персо-иранских) городских элементов – в отличие от южных шибанидов. Кисслинг и Шпулер отмечают: узбеки Сибирского ханства при Кучуме вступили в конфликт с русскими (1579–1581) и были разгромлены и вытеснены. В 1584 г. Кучум вернулся и разбил отряд Ермака; тот, отступая, утонул, но русское продвижение не остановилось. Русские опорные пункты: Тюмень (1586) и Тобольск (1587). Кучум был окончательно побеждён на Оби, ушёл к ногайцам и около 1600 г. погиб; его сын Ишим, союзничая с калмыками, результата не достиг. Покорив Сибирь, русские открыли путь в Центральную Азию (Кисслинг–Шпулер, 2022: 265). Русские уяснили: строительство крепостей ослабляет кочевников, поскольку перед инженерной фортификацией они бессильны.

Узбеков Хивы и Бухары объединил Абдаллах II. В 1557 г. он взял Бухару и сделал её столицей; в 1573–1574 и 1583 гг. покорил Балх, Самарканд, Ташкент и Фергану. В 1583 г., после смерти своего умалишённого отца Искандара (посаженного им на трон в 1561 г.), Абдаллах принял ханский титул. Позднее узбеки были вытеснены из завоеванных областей Хорасана - Герата, а также Астарабада и Гиляна Сефевидским шахом Аббасом I. В 1590-е годы сила Абдаллаха II подорвалась: вспыхнул конфликт с единственным сыном Абд ал-Мумином, получившим Балх. Казахи, воспользовавшись моментом, ударили по узбекам, дойдя до ворот Ташкента и Самарканда. Абдаллах умер во время карательной экспедиции против казахов; Абд ал-Мумин был убит спустя два месяца. После этого держава Абдаллахов распалась. Кочевые турки больше не входили на Иранское плато. Набеги туркмен лишь тревожили Северный Иран, но не меняли баланса сил (Кисслинг–Шпулер, 2022: 265–267).

Монгольский компонент в этногенезе узбеков был наиболее заметен на ранних этапах их формирования, однако по мере оседания населения, после поражения от Уз-Темура Тайчи и исхода казахских чингизидов Керей и Жанибека его выраженность постепенно снижалась. Последующим узбекским ханам приходилось считаться с многочисленными ираноязычными (прежде всего таджикскими) городскими сообществами, а также с тюркоязычным оседлым населением региона, включая, среди прочих, туркмен. На этом фоне туркмены оставались силой, поддерживавшей кочевой тюркский компонент в противовес набиравшей численность таджикско-городской среде в Хиве. С течением времени доля монгольского компонента у узбеков сокращалась. В конечном счёте была утрачена и шибанидская (чингизидская) династическая линия. Хотя узбеки традиционно противостояли тимуридам, в социально-культурном отношении они унаследовали значительную часть их городского мира: овладев тимуридскими центрами, узбеки интегрировали местное население Хорезма и сопредельных областей в собственный этногенез. В результате монгольский субстрат сохранился преимущественно на уровне правящей элиты, тогда как массовая основа всё более определялась смешением тюркских и ираноязычных оседлых компонентов. В то же время у казахов, напротив, монгольский компонент со временем увеличивался: формирование Казахского ханства в рамках степной (кочевой) среды, приток и консолидация чингизидских линий, а также

включение и перераспределение родоплеменных групп улуса Джучи способствовали постепенному усилению монгольского элемента в составе казахской конфедерации. К XIV-XV вв. в Моголистане монгольский компонент был заметно сильнее и дольше сохранял самобытность; в Мавераннахре же монгольские группы были численно невелики и сравнительно быстро растворились в тюрко-персидской городской среде. Это объясняет, почему само название «Моголистан» восходит к этнониму «монгол», тогда как Мавераннахр стал ядром тимуридской и раннеузбекской государственности. В дальнейшем на базе чагатайской и дешт-кипчакской среды сформировались узбеки. При этом северные степные группы сыграли важную роль и в этногенезе казахов, тогда как южные – в сложении оседлого узбекского населения. В целом чем севернее зона кочевой политики, тем дольше удерживались монголоидные по происхождению элементы власти и культуры; однако делать прямолинейные обобщения по «северным ордам» (Большая Орда, Астраханское ханство, Ногайская Орда, Казанское ханство) затруднительно из-за региональной специфики, разной демографической базы и темпов тюркизации. Практика закрепления имени правителя за политико-этнической конфедерацией была характерным следствием тюркизации монгольских групп и их постепенного дистанцирования от метрополии (Монголии). Аналогичные процессы фиксируются в ряде постмонгольских государств Евразии, где имена ханов становились устойчивыми этнополитонимами (например, «узбеки» – от хана Узбека; «ногайцы» – от Ногая), отражая одновременно и политическую легитимацию, и культурно-языковую трансформацию. Подобное явление наблюдалось не в одном постмонгольском государстве. Этвуд отмечает, что монгольский язык имеет заметные сходства с тюркскими языками – турецким, уйгурским, а также с теми идиомами, из которых сформировались современные казахский, кыргызский, узбекский и туркменский. Однако эта близость объясняется не общим праязыком, а длительными контактами и масштабными заимствованиями лексики и грамматических моделей (Atwood, 2023: 262).

Структура и племенные деления. Автор приводит классификацию узбекских племён по разным источникам. Так, Клапрот выделял четыре главные ветви – уйгур-найман, канглы-кипчак, кият-кунграт и нокус-мангыт. Более подробные списки у Ханькова и Вамбэри включают мангытов, кунгратов, кипчаков, хитаев, найманов, киятов, жалаиров, канглы и другие племена. Всего у Вамбэри упоминаются 32 «таифе» – крупных подразделения узбеков (Howorth, 1880: 10-11). «Хольцварт отмечает, что в источниках XVIII века базовое социальное членение выстраивается не по оси “кочевники/оседлые”, а по линии “воины/узбеки” vs “подданные”; при этом “узбеки” выступают военным слоем с правом на долю аграрной (земельной) ренты (Holzwarth, 2006: 98–101)». Политически узбеки – доминирующая группа: высшие военные посты и ранги закреплялись за их племенными лидерами; постепенный слом военного превосходства узбекских племён наступает лишь с централизацией при мангытских эмирах и созданием регулярной пехоты/артиллерии; ок. 1850 г. узбеки теряют контроль над армией (Holzwarth, 2006: 99-101). Здесь фиксируется роль мангытов монгольского происхождения; по аналогии с Ногайской Ордой они принадлежали к правящей элите. Вамбери также констатирует упадок Аштарханидов к концу XVIII века и возвышение мангытов в Мавераннахре (Vambery, 2025: 397). Мангыты, происходившие из монгольской знати и переселённые, по его изложению, ещё при Чингис-хане, к финалу аштарханидской

эпохи сосредоточили в своих руках реальную власть в Мавераннахре. При Эбульфейхане формальное правление сохранялось за чингизидом Абулгази, внуком Абульгази-хана, однако он, по словам Вамбери, был лишь «князем тени». Фактическое управление находилось у мангытской знати: сначала у Рахим-бия, затем у Даниал-бия. В итоге власть была передана Маасуму, который, сочетая суфийскую религиозность с практической политикой, окончательно закрепил господство мангытов (Vambery, 2025: 398–399). Вамбери также подчёркивает, что Маасум был последним правителем Туркестана, кто последовательно противостоял Ирану, после чего интенсивность военных конфликтов, по его оценке, пошла на убыль (Vambery, 2025: 412). В более широком плане возвышение мангытов и кунгратов может рассматриваться как симптом трансформации узбекских политий в «государства военной знати», где решающую роль играли беклярбеки и гурганы, подобно тимуридской модели и практике Ногайской Орды. Ослабление внешнего давления со стороны Ирана и спад пограничных войн теоретически расширяли возможности для переориентации степной политики на север, включая конфликты с казахской ордой легитимных чингизидов тукатимуридской линии.

Племенная структура «узбеков» в XVIII – нач. XIX вв. была не просто социальным анахронизмом, а каркасом военной и фискальной системы. Канцелярские списки и ведомости делили воинский корпус на крылья – правое (*ūng*) и левое (*sūl*), фиксируя, соответственно, около двадцати и тридцати двух подразделений; распределение доходов с орошаемых «плугов земли» (*juft-i gaw*) шло «по племенам», что институционально связывало военную мобилизацию с племенной разметкой пространства и налогообложения (Holzwarth, 2006: 104–105).

Устойчивые формулы «тридцать две» и «девяносто две» «узбекские» единицы, встречающиеся в фирманах и дипломатических письмах Бухары (например, о необходимости «совещаться с лидерами 92 узбекских племён»), не сводятся к простому счёту списков. Их генеалогия уходит в идеологемы исламизации степи, зафиксированные ещё в начале XVI в.: хроника *Majmū‘ al-tawārikh* приводит нарратив о «девяносто двух юношах», принявших ислам, со списком из 92 названий, – то есть речь идёт о сакрализованной матрице «объединения» воинских коллективов, а не о строгом этнографическом реестре (Holzwarth, 2006: 114–116).

Показательный кейс масштаба и статуса – хитая-кипчак (*Khitay-Qipchaq*), один из крупнейших корпусов: хронист XVIII в. оценивает его в «100 000 семейств» (1716/17), а ранние оценки XIX в. колеблются между «120 000 человек» и «80 000 семейств». Экономика корпуса оставалась преимущественно пастбищно-кочевой, с выраженным траншумантным циклом; карьерная траектория Фархад-бия (ветвь *Ūtārchi*) – от амирского командования и ранга *ilgar-bashi* до губернаторства – демонстрирует прямую связку «племя → военная/административная власть» в рамках централизуемой Бухары (Holzwarth, 2006: 110–112, 115–116).

Документы эпохи мангытов показывают постепенный сдвиг от племенной военной верхушки к бюрократическому центру. Титул аталыка к концу XVIII в. всё чаще теряет операционную военную нагрузку, тогда как кошбеги становится фактическим «премьером» и главой администрации; при этом ключевые посты занимают выходцы «не обязательно узбекского» происхождения (в т. ч. персоязычные слои), что фиксирует рост влияния городской канцелярской среды и относительное ослабление политического

веса племенных амиров (Holzwarth, 2006: 100, 109–110). Наконец, фискально-военные распоряжения начала XIX в. фиксируют директивную мобилизацию «по племенам» (в т. ч. мангытских подсекций и «других племён») с поимённым распределением доходов и пайков, что превращает племенную структуру в формализованный административный инструмент военной экономики – уже в рамках усиливающейся центральной власти (Holzwarth, 2006: 104–105).

Расселение. Ханыков описывает географическое размещение узбекских племён в Бухарском ханстве. Мангыты жили в Карши и Бухаре, хитаи между Бухарой и Кермине, найманы у Зиянуддина, кипчаки между Катта-Курганом и Самаркандом, сарай вдоль дороги Самарканд – Карши, кунграды в Карши и близ гор Шахрисабза (Howorth, 1880: 11).

Связь с казахами. Хайдар называет казахов «узбек-казахами», что Ховорт рассматривает как свидетельство близости двух конфедераций и их общих племенных блоков. Это указывает на процесс постепенной дифференциации казахской и узбекской идентичностей в XV–XVI вв., когда прежние родовые структуры были общими (Howorth, 1880: 11). Ховорт трактует «узбеков» как политико-племенную конфедерацию позднего Улуса Джучи, чья идентичность сложилась при хане Узбеке: он был признан «over chief» всеми племенами улуса, что подтверждается повсеместной чеканкой его монет; одновременно приписывается политика исламизации, вследствие которой «все жители страны» стали мусульманами, а имя правителя закрепилось за конфедерацией (Howorth, 1880: 10).

В племенной и властной архитектуре конфедерации Ховорт фиксирует политическое первенство отдельных родов в разных узбекских центрах власти: мангытская династическая ветвь связана с правящим домом Бухары, тогда как в Хиве кият-кунграды рассматриваются как «старший и наиболее знатный» род; отсюда автор выводит, что монгольские правители региона происходили «от царского дома среди кунгра́тов», что имело последствия для легитимации власти в Хорезме (Howorth, 1880: 11).

Политическую историю узбекских государств Ховорт раскладывает по трём крупным линиям: (1) узбекские ханства Бухары и Коканда и их отделившиеся «мелкие узбекские владения» – от вторжения узбеков в начале XVI века «до наших дней» автора; (2) ханство Хорезма/Хивы от основания узбеками вскоре после Бухары до «фактического завоевания Россией»; (3) «сибирский» узбекский улус – от основания до уничтожения казаками в XVI веке. Тем самым «политика» узбеков у Ховорта – это прежде всего история формирования и трансформации суверенитетов (династийная легитимация, отделение уделов, баланс с соседями) и их постепенного подчинения Российской империи (Howorth, 1880: 11). Отдельно для Ховорта важно, что узбекская и казахская конфедерации имели общие племенные блоки (напр., кунграт, кипчак, найман и др.), что он трактует как политическую «переварку» и «перековку» племён в разные конфедерации – то есть динамику политического состава и союзов внутри постордынского пространства (Howorth, 1880: 11). Это используется им для объяснения близости, но и дивергенции политических целостностей «узбеков» и «казахов».

У Ховорта «политика узбеков» – это (а) сакрализация власти и имени хана Узбека через монету и исламизацию (инструменты политической интеграции); (б) региональные и династические центры власти (мангыты в Бухаре, кунграды в Хиве)

как опоры легитимности; (в) построение и дробление ханств с XVI века и их «длинная» траектория к зависимости/включению в орбиту России (Howorth, 1880: 10–11).

«Это последнее государство вскоре, в свою очередь, раскололось на Тюменское ханство (в Западной Сибири) и зарождающееся Узбекское ханство, основанное Абулхайром (ум. 1468); задолго до 1500 года узбеки, в свою очередь, утратили значительную часть своих степных территорий в пользу зарождающейся казахской конфедерации, ханы которой происходили не от Шибана, а от его брата Тока-Тимура» (Jackson, 2017: 318). Такое же мнение было у Дэвида Моргана. После поражения 1468 г. Мухаммад Шайбани недолго жил «разбойником», затем собрал силу. С 1486 г. громил владения тимуридов, в 1490-х занял приаральско-сырдарьинские земли и готовил вторжение в Трансоксанию; неудачно выступив к Самарканду в 1499 г., в 1500 г. окончательно оставил степи. Освободившееся степное пространство заняли казахи (Morgan, 2016: 109).

Ю. Шамильоглу показал, что карачы-беи как лидеры четырёх «правлящих племён» через диван реально ограничивали власть хана (выбор/утверждение и смещение, война и внешняя политика, санкционирование постановлений), а П. Джэксон дополняет это узбекским примером: в начале XVI в. хан Мухаммад Шайбани принимал одну норму за Ясу Чингисхана при отсутствии её доказуемости для XIII в., что демонстрирует типичную ретроспективную «ясаизацию» поздних институтов, включая и «четырёх карачи-беев» в Крыму (Шамильоглу, 2019: 40, 43; Jackson, 2017: 368).

Таджико-узбекский фактор

Шпулер также отмечал, что на южных узбеков начал активно влиять таджикский компонент этногенеза. Бии Кокандского ханства осознавали, что с ростом могущества и влияния хана их собственный авторитет снижался, а тревога за личное благополучие росла. Поэтому они отказывались от участия в военных походах, и Кокандскому хану приходилось набирать армию из местных таджиков (Кисслинг-Шпулер, 2022: 288). По Вамбери, в Коканде вторыми по численности идут таджики; причём кокандские таджики, по его наблюдению, превосходят своих бухарских соплеменников и по «чистоте» языка, и по грамматике. Третью группу составляют казахи, кыргызы и кипчаки (Vambery, 2006: 236–237).

В другой своей книге Вамбери писал, что именно кочевые узбеки героически сражались против персов. По его изложению, Шайбан-хан оказался в ловушке, устроенной шахом Исмаилом, который применил тактику притворного отступления; в результате были перебиты узбеки, а израненное тело Шайбана осталось лежать среди гор трупов (Vambery, 2025: 319). Тем самым южные узбеки-шибаниды выступали своеобразным защитным буфером, сдерживая иранское (шиитское) влияние и прикрывая северных узбеков – то есть казахов, включая группы тукатимуридского происхождения. Для казахов ключевым стало противостояние с джунгарами. При этом джунгары в целом относились к казахским чингизидам как к равным, признавая их чингизидский статус. На этом фоне особенно контрастирует описываемое в источниках надругательство со стороны шаха Исмаила, который, по-видимому, не считал нужным демонстрировать уважение к монгольской ханской традиции и к самим чингизидским ханам.

«Американский историк Юрий Брегель отмечает, что в хивинских хрониках XIX в. (Мунис, Агахи, Танаи) термин “сарт” встречается реже, чем у Абулгази, но

употребляется в том же социально-профессиональном смысле: выражение “узбеки и сарты” обозначает оседлое население Хорезма (вне туркмен), фиксируются отдельные “сартовские войска”, а ряд должностей (мехтер, ага, арбаб) занимают выходцы из сартов. Это свидетельствует не о “этнотипе сартов”, а о городской – преимущественно персоязычной – страте, тесно связанной с тюркоязычными узбеками и интегрированной в управление ханства (Bregel, 1978: 125)». Термин «сарт» в историографии и этнографии Ирана и Центральной Азии употреблялся для обозначения населения Средней Азии (Barthold & Subtelny, 1997: 600); чаще всего им называли оседлых тюрков и таджиков (Levi, 2017: 75), которые нередко были двуязычными (тюркский и персидский) (Foltz, 2019: 111) и в целом принадлежали к общей культурной традиции и выполняли сходные хозяйственно-экономические функции (Roy, 2000: 17). В ряде случаев термин «сарты» мог распространяться и на небольшое число монголов, если они переходили к оседлому образу жизни и включались в тюрко-таджикскую городскую среду, однако в целом это было скорее социально-культурное обозначение оседлых жителей, а не прямой этнический маркер.

После ухода Керей и Жанибека из узбекского улуса (сер. XV в.) монгольский компонент в среде узбеков, по-видимому, пошёл на убыль; как и немногочисленные крымские монголы, узбеки постепенно ассимилировались с местным оседлым населением разнородного, не всегда чётко фиксируемого монгольского или тюркского происхождения. Такая же ситуация была и в Крыму. Будучи чингизидом и степным правителем, крымский хан сталкивался прежде всего с кочевыми ногайскими бунтами, а не с недовольством его оседлых подданных – греков, готов, армян. Узбекские ханы трезво оценивали риск: кочевые родственные племена опаснее сартов и способны мгновенно перейти к силе. Поэтому они опирались на войско из таджиков и других сартов, усиливая городскую компоненту. Сартская среда давала правителям людей, сильных в торговле, шариатско-канцелярской бюрократии и судопроизводстве; некоторые из них проявляли себя и на военной службе, закрывая дефицит кадров у кочевой знати. Узбекские правители действовали иногда избирательно: так, в Хиве, по наблюдению Вамбери, аталык (советник хана) обязан был быть узбеком, тогда как должность мехтера – дворцового управляющего – неизменно занимали сарты. Узбек с монгольским происхождением становился ханом; инаков было четверо – двое из родственников и двое из соплеменников; сейиды (потомки Пророка) исполняли обязанности верховного имама (Vambery, 2006: 189).

В данном контексте «сейиды» не всегда были документально подтверждёнными потомками Пророка: у сартов, в отличие от монголов, родословные фиксировались хуже, поэтому отдельные лица могли называться сейидами, оставаясь фактически обычными сартами. При этом они пользовались доверием ханов и обладали богословской подготовкой. Термин «сейид» здесь функционировал скорее, как престижный религиозный статус.

В канцелярских грамотах часто говорится о «совокупности узбеков» при назначении на высшие военные должности (илгар-баши, кади-аскар, аталык); нередко противопоставляются «узбеки» (военные) и «таджики» (судебно-городская среда) (Holzwarth, 2006: 105–107). В описании низовых военных контингентов и дворцовой службы отмечается заметная доля неузбекских городских слоёв, включая «таджиков,

лиц персидского происхождения и вольноотпущенников» (по Ханыкову, цитируемому у Хольцварта) (Holzwarth, 2006: 105). Если, следуя Шпулеру, в Коканде в армейских корпусах доминировал «таджикский фактор», то сходное усиление наблюдалось и в Бухаре. При мангытах укреплялся бюрократический аппарат, и ключевые посты занимали выходцы «не обязательно узбекского происхождения (в т. ч. бывшие персидские рабы, туркмены и др.)», что фиксирует сдвиг от племенной военной элиты к городской/канцелярской среде, традиционно связанной с таджикско-персоязычным населением (Holzwarth, 2006: 100). В общей социальной оппозиции эпохи XVIII века ключевое деление идёт как «воины/узбеки» vs «подданные» (*fuqarā*). В корпус «подданных» входили и таджикские городские общины, что косвенно подтверждается распределением судебных функций за «судьями таджиков» (Holzwarth, 2006: 100–101). При формировании регулярной пехоты и артиллерии инструкторский состав часто набирался из иранцев и других неузбекских групп, что усиливало роль городско-персидской (таджикской) среды в военной модернизации (Holzwarth, 2006: 100).

Историк США Томас Олсен, опираясь на наблюдения Р.Г. Кузеева и Т.И. Султанова, отмечает по поводу монгольского компонента племени меркитов, что он растворился среди разных народов. Хотя предпринятые меры фактически уничтожили их коллективную идентичность, меркиты не исчезли; на время «уйдя вглубь», они вновь проявляются как составные элементы во множестве постимперских этнополитических образований леса и степи – среди сибирских тюрков, тьянь-шаньских кыргызов, казахов, узбеков, ногайцев и башкир (Biran, Kim, 2023: 746). При этом характер и хронология включения существенно варьируют по регионам; для доказательной реконструкции необходимы локальные маркеры (этнонимы/родовые ветви, шежиры, топонимия) и, по возможности, материальные и текстовые корреляты. Категорические формулы о «уничтожении коллективной идентичности» следует заменить на описание процессов трансформации и переопределения идентичности в рамках новых политических союзов и институтов.

Таким образом, в тюрко-монгольский ассимиляционный процесс теперь включились таджики, занимая ведущие позиции в политике узбекских государств. Груссе также отмечал, что оседлые таджики гораздо лучше исповедовали ислам, тогда как тюрко-монголы Моголистана сохраняли язычество (Груссе, 2022: 360). Однако такой взгляд несколько упрощён, поскольку быть мусульманином и жить в городских условиях не означало строгое следование всем постулатам веры. Американский историк Юджин Скайлер отмечал, что в Бухаре (1872–1873) мальчиков обучали развратным «женским» танцам (Schuyler, 1876: 132–133), что не соответствует каноническому шариатскому праву. Вероятно, не одобрялось каноническими учёными ислама и, по всей видимости, ограничивалось локальной практикой. Источники по исламу у кочевников Центральной Азии многочисленны. В данном разделе мы не останавливаемся на них детально. Отмечается, что среди чисто кочевых слоёв соблюдение религиозных предписаний было менее последовательным, чем у полукочевых и оседлых групп.

Вамбери констатирует факт, что в Коканде (Vambery, 2006: 236) и в Бухарском ханстве таджики являются второй по численности народностью после узбеков. Причём именно в Бухаре таджики больше всех гордятся своим происхождением (Vambery, 2006: 223). По численности в Бухаре четвёртое место занимали арабы – потомки воинов Кутайбы;

лишь немногие из них сохраняли знание арабского языка, их общая численность оценивалась «по слухам» примерно в 60 тыс. На пятом месте шли «мервцы» – потомки приблизительно 40 тыс. персов, переселённых в Бухару Саид-ханом при содействии сариков. Кроме того, в городе проживали персы, в том числе выкупившиеся рабы и последователи шиитского ислама (нередко скрытно); по наблюдению Вамбери, многие из них, даже выйдя из рабского статуса, получали чиновничьи должности. Он же замечает, что мангытскому эмиру Музаффару ад-дину было бы трудно в случае войны с Персией: ключевые командные посты занимали Шахрух-хан и Мухаммад Хасан-хан, а начальниками артиллерии (топчубаши) были Бейнель-бек, Мехди-бек и Лешкер-бек – все, по его словам, персидского происхождения (Vambery, 2006: 226–227). Мангыты монгольского происхождения, будучи малочисленными, вынужденно учитывали вес персидского населения.

В Бухарском ханстве сарты занимают пятое место по численности после узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов. Сартов, как и таджиков, можно узнать по лукавству и изяществу. Несмотря на то, что узбеки живут с ними уже пять столетий, смешанные браки остаются весьма редкими (Vambery, 2006: 205). Наблюдения Вамбери показывают, что демографический профиль «узбеков» усреднялся за счёт таджикского (сартского) компонента – явление, нехарактерное для собственно кочевых узбеков.

Коротко: в Хиве таджиков мало; их персидская речь смешана с тюркской. Сартов/таджиков, по Вамбери, узнают по изяществу и «лукавству», узбеки их не любят. Персов около 40 тыс.; рабы-персы быстро богатеют и нередко остаются в Хиве после выкупа. Раба зовут догма, его детей – ханезал; лишь к третьему поколению клеймо стирается (Vambery, 2006: 204–205). Иными словами, к третьему–четвёртому поколению персы-сарты становились «рядовыми» узбеками. Вероятно, именно в Хиве узбекам дольше удавалось сохранять тюркскую языковую доминанту – из-за меньшей доли сартов и из-за опоры на воинственных туркмен.

Тюрко-монгольский фактор у узбеков. В Коканде заметную роль играли кочевые и полукочевые группы с традиционным укладом. По наблюдению Вамбери, среди кокандцев встречались зажиточные казахи: они уплачивали дань по хивинскому образцу, но, несмотря на численность, обладали ограниченным политическим влиянием (Vambery, 2006: 237). Правительственная партия Коканда активно опиралась на кыргызов, привлекая их воинственные отряды для осуществления переворотов (Vambery, 2006: 237). Возможно, из-за взаимного недоверия узбекская элита, как правило, не вовлекала казахов, а сами казахи, вероятно, не вступали в эту политическую игру, имея собственные чингизидские опоры внутри Казахского ханства.

Его мнение дополняет западный историк Арминий Вамбери:

"Узбеки на протяжении нескольких веков представляли господствующую нацию в Туркестане, которая раньше других народов этих областей приняла ислам и его цивилизацию. С самим названием «узбек» всегда связываются более благоприятные представления об образованности и хорошем тоне. Поэтому киргизы (казахи), кипчаки и калмыки, едва поселившись в городах, обычно отказывались от своей национальности и называли себя узбеками. Скорее всего, узбеков следует считать смесью этих кочевых народов" (Vambery, 2006: 236). Дополнительно отметим, что отдельные монгольские и тюркские племена в составе узбеков, проходя через периоды демографических потрясений, переселений и

политической консолидации, могли испытать эффект «бутылочного горлышка» (резкое сокращение численности с последующим восстановлением), что усиливало дрейф генов и приводило к закреплению ограниченного набора родовых линий в некоторых локальных группах.

«На раннем этапе “узбеки” представляли собой преимущественно исламизированный тюрко-монгольский компонент и демонстрировали наибольшую близость к казахам. Однако позднее, по мере ассимиляции с таджикоязычным населением Мавераннахра и отделения группы Керей и Жанибека, этноним “узбек” всё слабее ассоциировался с кочевой степной общностью; сложившееся в источниках клише “кочевые узбеки” фактически точнее коррелировало с казахами, которые в большей мере сохранили свой монгольский компонент». Более того, даже при наиболее “исламизированном” правителе – хане Узбеке значительная часть монгольского населения сохраняла элементы доисламских (языческих) практик, интегрируя их с суфийской религиозностью. Тем самым именно казахи во многих отношениях оставались ближе к монгольскому наследию Улуса Джучи, в том числе на уровне религиозно-ритуальных практик». Кисслинг и Шпулер отмечали, что после поражений монголов-ойратов часть узбекских вождей перешла на сторону хана Моголистана Есен-Бугы и стала именовать себя “казахами”, то есть “переселенцами/отделившимися”, иногда “дезертирами” (Кисслинг – Шпулер, 2022: 254-255). Вероятнее всего, термин “казак” изначально маркировал монголо-тюркские группы Улуса Джучи, отколовшиеся от прежнего политического ядра (или утратившие власть/улус) и потому ушедшие “казаковать” – жить вне устойчивых иерархий в режиме вольной кочевой мобильности. Степень пейоративности этого обозначения варьировала по корпусам: оно могло иметь оттенок порицания (“отщепенцы”), но нередко выполняло нейтрально-функциональную роль статуса “вне зависимостей”. Показателен параллельный пример: этноним “калмык” во многих традициях выступал навязанной кличкой – мусульмане-монголы (в том числе тюркизированные мусульмане-монголы) употребляли его презрительно в отношении своих буддийских ойратских сородичей; при этом самоназвание носителей и соседние традиции трактовали его иначе. Этот контраст подчёркивает контекстуальную изменчивость кочевых авто- и экзонимов и необходимость учитывать прагматику их употребления». В структуре постджучидского мира XV века выделяются две основные ветви узбекской политической традиции: тукатимуридская и шибанидская. Первая, восходящая к потомкам Тука-Тимура, стала основой политико-этнического ядра, из которого впоследствии сформировались узбеко-казахи – группы, отделившиеся под предводительством Керей и Жанибека и закрепившие за собой новый эндоэтноним «казак», отражающий стремление к обособлению и самостоятельности. Вторая линия – шибанидская – сохранила преимущество в оседлых областях Трансоксании и Хорезма, став генеалогической и культурной основой современных узбеков.

Утверждение «Амир Темур был узбеком» исторически проблематично. Темур происходил из барласов (тюрко-монгольская среда Чагатайского улуса), был мусульманином и последовательно признавал сакральный авторитет чингизидов (в т.ч. ретроспективно фигуры уровня Узбек-хана). Применение к нему категории «современный узбек» спорно ввиду позднейшего формирования этнонима и слабой монгольской компоненты у нынешних узбеков. В XV-XVI вв. тимуриды воевали с

узбекскими шайбанидами. В конечном счёте идентификация Темура определяется выбранной аналитической рамкой. В культурно-традиционной возможна «узбекская» интерпретация, тогда как в строгой историографической он предстает тюркизированным монголом, мусульманским правителем, опиравшимся на чингизидскую модель легитимации.

Таким образом, этноним «узбек» в XV-XVI вв. имел двойную политико-этническую природу: казахо-тукатимуридскую, преимущественно степную и миграционную, и шибанидскую – оседло-центральноазиатскую. Отделение казахов, сопровождавшееся формированием самостоятельного политического центра, привело к закреплению этнонима «казах» как отдельного обозначения, в то время как термин «узбек» продолжил развитие в рамках шибанидской традиции. Это разделение обозначило окончательное оформление двух ветвей единого постджучидского наследия – казахской и узбекской, каждая из которых унаследовала отдельный вариант политической и культурной идентичности Улуса Джучи.

Питер Джэксон ставит вопрос, почему народы Улуса Джучи называли себя именами ханов: этноним «узбек» фиксируется лишь в середине XV века и относится к группе потомков Шибана, а не Бату; столь же неясно, почему ногайцы приняли имя Ногая, умершего в 1299/1300 и действовавшего западнее Днепра (Jackson, 2017: 330). На деле всё просто: этнонимы «ногай» и «узбек» во многом закрепились как политонимы-эпонимы в условиях тюркизации и размывания монгольской самосознательности. Разнородные группы искали «зонтичную» идентичность и находили её в именах харизматических центров власти – правителей (хана Өзбека и беклярбека Ногая). Эти названия укрепились благодаря выгоде принадлежности к сильной власти, закреплению удобных экзонимов во внешних канцеляриях, гибкости кочевой идентичности и тюркизации языка общения. В отличие от них, эпонимы типа шибан/шайбаниды чаще обозначают династические ветви, а не отдельные устойчивые этносы (Шолахов, 2025: 187). Узбеков можно рассматривать как группу тюркизированных монголов, в генетическом составе которой изначально заметно доминировала монгольская компонента по сравнению с рядом других степных групп. Однако по мере оседания на юге узбеки-шибаниды начали культурно и социально дистанцироваться, и со временем стала нарастать генетическая дистанция между южными узбеками-шибанидами и северными узбеками-тукатимуридами (то есть казахами).

Джу Юп Ли отмечает, что шибанидские узбеки, интегрировавшиеся в персидскую культурную среду, достигшую расцвета при тимуридах, выстроили собственную династическую генеалогию в рамках персо-исламской историографической традиции, сформировавшейся при ильханидах и получившей дальнейшее развитие при тимуридах (Джу Юп Ли, 2022: 205). Джу Юп Ли отмечает, что различия между казахами и узбеками рано проявились в характере их историко-генеалогических нарративов. Шибанидские узбеки включали в свои родословные мифические фигуры, такие, как Тюрк хан, Мугул хан, Огуз хан и Киян. Казахи же развивали собственную линию происхождения преимущественно в устной традиции, связывая ее с Алаша ханом, а также с образами Урус хана, Хакназар хана и Джучи хана, и с преданием об основателе ханской власти Шаде (Джу Юп Ли, 2022: 205).

Вероятно, образ Алаша хана восходит к более раннему прототипу Добун Мэргена, а позднее, в условиях тюркизации и переоформления преданий в пространстве Улуса

Джучи, этот персонаж получил новое имя и новое смысловое наполнение как Алаша. В дальнейшем, по мере ретрансляции и политизации генеалогических сюжетов, мотивы, связанные с Алаша, могли переосмысляться и соотноситься уже с фигурой Чингисхана и затем с другими ханами Золотой Орды. В более широком плане тюркизация монгольских групп способствовала оформлению позднесредневековых именовании и общностей, включая такие собирательные обозначения, как «узбек» и «ногай», которые в источниках функционировали прежде всего как контекстные политонимы и маркеры коалиций, а не как изначально фиксированные этнические категории.

Антропология. Вамбери отмечает, что у «хивинского узбека» на первый взгляд заметна примесь иранидных черт: борода – признак, считавшийся у жителей Туркестана «чуждым», тогда как лишь цвет и конфигурация лица выдают «татарское» (тюрко-монгольское) происхождение (Vambery, 2006: 201). В разделе о хивинцах он перечисляет 32 узбекских племени, среди них: кунграт, кипчак, хитай, мангыт, нокс, найман, кулан, кият, ас, таз, саят, чагатай, уйгур, акбет, дермен, ешун, канджигали, ногай, балгалы, митен, джалаир, кенегес, канлы, ишкили, бейюрли, алчин, ачмайлы, каракурсак, биркулак, тыркыш, келлекесер, минг. При всём различии обычая и облика узбеки Хивы, Коканда, Бухары и Яркенда осознают принадлежность к одной нации, одновременно сохраняя идентичность своего племени и рода (Vambery, 2006: 200-201).

Полученные результаты

Имя «узбек» как этноним в значительной мере связывают с процессами политонимизации: тюркизированные монгольские группировки усваивали имена харизматических правителей, и эти имена со временем становились зонтичными обозначениями более широких общностей. С одной стороны, правители действительно играли ключевую роль в формировании политической идентичности и памяти; с другой – такое имя лишь косвенно отражает глубинные этнокультурные процессы и не является показателем «преемничества Орды» само по себе. В сравнительной перспективе нередко отмечается, что казахские группы (условно «северные узбеки» раннего периода) дольше сохраняли степные (тюрко-монгольские) институты и маркеры идентичности, тогда как шибанидские узбеки в Мавераннахре активнее вовлекались в оседло-городскую среду и проходили более интенсивную ассимиляцию со своими подданными. Поэтому название «узбек» отражает прежде всего политико-историческую конвенцию и динамику консолидации, а не однозначное родо-племенное или «династическое» преемство Золотой Орды. Казахи сохранили демографическое ядро и кочевую военную мобилизацию; ногайцы – значимый культурно-литературный пласт (при наличии демографической базы); узбеки встроили степные династические формулы в персидскую бюрократию и городскую экономику. Устойчивость режимов определялась не одним фактором, а синхронизацией наследованных элементов (патрилиний, военной организации, фискально-бюрократии и городской экономики); различия в этой сборке дали спектр исходов – от гибридной устойчивости до хронической институциональной слабости.

Резюмируя изложенное, понятие «казаклык» следует разделить на три уровня:

1) первый – это индивидуальный казаклык, когда один человек по личным причинам или из-за конкретной ситуации выходит из подчинения и действует автономно;

2) второй – это родовой или групповой казаклык, когда из политического центра уходит целый род или локальная группа, формируя собственную сплочённую общность;

3) третий – это массовый казаклык, когда откол охватывает крупные объединения вплоть до значительной части населения, что создаёт ресурс для оформления самостоятельной власти и возможного образования государства.

Проблема состоит в том, насколько правомерно переносить термин «казаклык» на оседлые общества, поскольку в городско-земледельческом контексте сходные явления обычно описываются иными практиками и категориями, а без чётких критериев (мобильность, внефискальное существование, военно-добычная экономика, слабая территориальная привязка) понятие рискует превратиться в чрезмерно широкую метафору и потерять объяснительную силу. В оседлых обществах аналогичные процессы чаще обозначаются терминами «мятеж», «изгнание», «фронда», «сепаратизм», «бегство», «колонизация окраин», и их механическое переименование в «казаклык» нивелирует специфическую степную логику явления. В этом смысле казаклык корректнее трактовать как практику, характерную прежде всего для кочевых и полукочевых обществ. Отсюда следует и терминологическое ограничение: в аналитическом языке не следует автоматически отождествлять восточнославянских «казаков» с феноменом казаклыка, поскольку их социальное формирование происходило в иной институциональной и конфессионально-правовой среде, а само название могло быть заимствовано как контактный термин под влиянием степных традиций и политико-культурного наследия Улуса Джучи. Калмыцкое продвижение на запад и оформление Калмыцкого ханства можно описывать как процесс, структурно близкий к «массовому казаклыку»: часть ойратских групп разрывает прежние политические связи, уходит в новое пространство, формирует самостоятельный военно-политический центр и затем закрепляет его институционально, подобно тому, как это произошло в ранней истории Казахского ханства. Отдалённым ранним прецедентом подобной модели можно считать эпизод разрыва Темуджина с Джамуха, когда уход от прежнего союзника сопровождался сбором новой коалиции и постепенным превращением личной автономии в альтернативный центр власти, хотя по содержанию и контексту это ещё не тождественно позднему «казаклыку».

Выводы

Узбеки унаследовали шибанидскую, то есть джучидскую, политическую традицию степного улуса и встроили ее в оседлую трансоксскую среду. В результате возник смешанный тип государственности, где кочевая военная элита взаимодействовала с персоязычным городским населением и бюрократией. Казахи унаследовали преимущественно генетико-демографическое ядро Улуса Джучи, а ногайцы главным образом культурно-литературный пласт. При этом существуют зоны, где эти линии взаимно комбинируются, поэтому недопустимо сводить ногайцев только к текстовой традиции, их генетико-антропологическая компонента также значима.

Казань, Крым и узбекские ханства можно рассматривать как оседлые наследники Улуса Джучи, которые усилили то, чего ему хронически не хватало, а именно городскую экономику, фискальную устойчивость, фортификацию и институциональную

бюрократию. Крымское ханство и узбекские государства во многом типологически близки, поскольку в обоих случаях власть опиралась на кочевые силы. У крымских ханов такой опорой были ногайцы, а у узбекских правителей кочевые узбеки, туркмены и кыргызы. Различие состоит в том, что у Крыма существовал внешний сюзерен в лице Османской империи, тогда как у узбеков сопоставимого покровителя не было. Кроме того, Крым оказался в поле экспансионистских интересов Российской империи, а крымское общество нередко сопротивлялось реформам ханов.

Сопоставление историографических и источниковых данных позволяет трактовать ранний узбекский массив как политико-социальную коалицию тюрко-монгольского происхождения, чья идентичность формировалась вокруг механизмов власти и мобилизации, а не вокруг стабильного этнического ядра. Дальнейшее расхождение траекторий было связано с различными режимами интеграции. В степном поясе сохранялись институты кочевой мобилизации и патрилинейной организации, тогда как в Мавераннахре усиливались городско-оазисные формы хозяйства и управления, что вело к росту гетерогенности и смешения. Следовательно, постордынское наследие не передавалось целиком ни одной группе. Оно распалось на набор элементов, которые по-разному комбинировались в конкретных политиях. Различия в конфигурации этих элементов и степени их институциональной согласованности объясняют спектр исходов, от устойчивых гибридных режимов до хронической институциональной слабости, связанной прежде всего с дефицитом городской фискальной базы и управленческого контура. В этом контексте узбекские политические образования в ряде периодов выступали буфером, ограничивавшим проникновение оседло-иранских влияний в степь.

В качестве гипотезы можно предположить, что при Абулхаир хане название «узбеки» с ассоциацией с исламизированным наследием Узбек хана использовалось как политоним именно для обозначения кочевых тюрко-монгольских групп Улуса Джучи, чтобы удобнее различать кочевников и оседлое население, и начало устойчиво закрепляться в Дешт-и-Кыпчак, а затем окончательно институционализировалось в Мавераннахре при Мухаммаде Шайбани в начале XVI века.

Литература

Вамбери А., 2006. Путешествие по Средней Азии (Библиотека казахской этнографии. Т. 48). Павлодар: ЭКО. 320 с.

Кисслинг Х., Шпулер Б., 2022. Великие мусульманские империи: история исламских государств Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки. Пер. Л. А. Игоревской. Москва: Центрполиграф. 380 с.

Ли Джу-Юп, 2022. Казаклык и образование казахов. Государство и идентичность в постмонгольской Центральной Евразии. Джу-Юп Ли; пер. с англ. З. Муканова; науч. ред. Ж. Сабитов. Алматы: Shon Publishing House. 276 с.

Ру Ж.-П., 2006. История империи монголов. Пер. с фр. З. З. Сажиневой; науч. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. С. 551-552.

Сабитов Ж.М., 2011. О происхождении этнонима «узбек» и «кочевые узбеки». Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. С. 166–173.

Султанов Т.И., 1982. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). Москва: Наука (Главная редакция восточной литературы). 131 с.

Тюрин А.М., 2024. Структура субкладов гаплогруппы Y-хромосомы С как свидетельство миграций монголов в XIII, XVII и XVIII вв. Кочевая цивилизация: исторические исследования. № 3. 144 с.

Шамильоглу Ю., 2019. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 260 с.

Шолахов М., 2025. Анализ западноевропейской историографии Ногайской Орды. *Central Asian Courier*. 1(1). С. 181–199.

Atwood Christopher P., 2023. *The Secret History of the Mongols*. London: Penguin Classics. E-book. P. 290.

Barthold W., Subtelny M.E., 1997. “Sārt”. In: Bosworth, C. E.; van Donzel, E.; Heinrichs, W. P.; Lecomte, G. (eds.). *The Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed., Vol. IX: San–Sze. Leiden: E. J. Brill. 600 p.

Biran M., Kim H. (Eds.), 2023. *The Cambridge History of the Mongol Empire*. Volume I: History. Cambridge: Cambridge University Press. 786 p.

Di Cosmo N., Frank A.J., Golden P.B. (Eds.), 2009. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*. Cambridge: Cambridge University Press. 520 p.

Favereau M., 2021. *The Horde: How the Mongols Changed the World* [e-book]. Cambridge, MA–London: The Belknap Press of Harvard University Press. P. 478.

Foltz R., 2019. *A History of the Tajiks: Iranians of the East*. New York: Bloomsbury Publishing. 111 p.

Hammer-Purgstall J. von, 1840. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: Hartleben. 706 p.

Holzwarth W., 2006. The Uzbek State as Reflected in Eighteenth-Century Bukharan Sources. *Asiatische Studien. Études Asiatiques*. 60(2). P. 321–353.

Howorth H.H., 1880. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. Part II: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Division II. London: Longmans. Green. 626 p.

Jackson P., 2017. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven–London: Yale University Press. 448 p.

Levi S.C., 2017. *The Rise and Fall of Khoqand, 1709–1876: Central Asia in the Global Age*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 75 p.

Lee Joo-Yup Lee, 2019. “Turkic Identity in Mongol and Post-Mongol Central Asia and the Qipchaq Steppe”. In: David Ludden (ed.). *The Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. New York: Oxford University Press (Online publication: Dec 2019). 15 p. DOI: 10.1093/acrefore/9780190277727.013.443.

Manz Beatrice Forbes, 2003. “Multi-Ethnic Empires and the Formation of Identity.” *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 26. No. 1. P. 87–90.

May T.M., 2012. *The Mongol Conquests in World History*. London: Reaktion Books. 320 p.

Morgan D., 2007. *Medieval Persia, 1040–1797* (2nd ed.). Harlow: Pearson Longman. 216 p.

Rossabi M., 1990. The “Decline” of the Central Asian Caravan Trade. In: Tracy, J. D. (Ed.), *The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750*. P. 351–370. Cambridge: Cambridge University Press. 20 p.

Roy O., 2000. *The New Central Asia: Geopolitics and the Birth of Nations*. New York: New York University Press. 17 p.

Schuyler E., 1876. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. I. London: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington. P. 132-133.

Vambery A., 2025. The History of the Turks and the History of Uzbekistan. Translated by Inalbey Baygüç. Eskişehir: Dorlion Yayınları.

Wells R.S., Yuldasheva N., Ruzibakiev R., Underhill P.A., Evseeva I., Blue-Smith J., et al., 2001. The Eurasian Heartland: A Continental Perspective on Y-Chromosome Diversity. Proceedings of the National Academy of Sciences. 98(18). 10244–10249. 6 p.

Zerjal T., Wells R.S., Yuldasheva N., Ruzibakiev R., Tyler-Smith C., 2002. A Genetic Landscape Reshaped by Recent Events: Y-Chromosomal Insights into Central Asia. American Journal of Human Genetics. 71(3). P. 466–482.

Reference

Vamberi A., 2006. Puteshestvie po Srednei Azii (Biblioteka kazakhskoi etnografii, t. 48) [Journey Through Central Asia (Library of Kazakh Ethnography. Vol. 48)]. Pavlodar: EKO. 320 p. [in Russian].

Kissling H., Shpuler B., 2022. Velikie musul'manskie imperii: istoriia islamskikh gosudarstv Blizhnego Vostoka, Tsentral'noi Azii i Afriki [Great Muslim Empires: History of the Islamic States of the Middle East. Central Asia and Africa]. Per. L. A. Igorevskoi. Moscow: Tsentrpoligraf. 380 p. [in Russian].

Lee Joo-Yup, 2022. Kazaklyk i obrazovanie kazakhov Gosudarstvo i identichnost v postmongolskoi Tsentralnoi Evrazii Dzhulup Li per s angl. Z. Mukanova nauch. red. Zh. Sabitov [Kazakhness and the Formation of the Kazakhs: State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Joo-Yup Lee; translated from English by Z. Mukanova; academic editor Zh. Sabitov]. Almaty: Shon Publishing House. 276 p. [in Russian].

Roux J.-P., 2006. Istoriia imperii mongolov [History of the Mongol Empire]. Trans. from French by Z.Z. Sazhinova; ed. by P. B. Konovalov. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskii gosudarstvennyi universitet. 672 p. [in Russian].

Sabitov Zh. M., 2011. O proiskhozhdenii etnonima «uzbek» i «kochevye uzbeki» [On the origin of the ethnonym “Uzbek” and “nomadic Uzbeks”]. Zolotoordynskaia tsivilizatsiia [Golden Horde Civilization]. 4. P. 166–173. [in Russian].

Sultanov T.I., 1982. Kochevye plemena Priaral'ia v XV–XVII vv.: voprosy etnicheskoi i sotsial'noi istorii [Nomadic Tribes of the Aral Region in the 15th–17th Centuries: Questions of Ethnic and Social History]. Moscow: Nauka (Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury). 131 p. [in Russian].

Tyurin A.M., 2024. Struktura subkladov gaplogruppy Y-khromosomy C kak svidetel'stvo migratsii mongolov v XIII, XVII i XVIII vv. [Structure of Y-chromosome haplogroup C subclades as evidence of Mongol migrations in the 13th, 17th and 18th centuries]. Kochevaia tsivilizatsiia: istoricheskie issledovaniia [Nomadic Civilization: Historical Studies]. 144 p. [in Russian].

Shamiloglu Yu., 2019. Plemennaia politika i sotsial'noe ustroistvo v Zolotoi Orde [Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 260 p. [in Russian].

Sholakhov M., 2025. Analiz zapadnoevropeiskoi istoriografii Nogaiskoi Ordy [Analysis of Western European Historiography of the Nogai Horde]. Central Asian Courier. 1(1). P. 181–199. [in Russian].

- Atwood Christopher P., 2023. *The Secret History of the Mongols*. London: Penguin Classics. E-book. P. 290.
- Barthold W., Subtelny M.E., 1997. “Sārt”. In: Bosworth, C. E.; van Donzel, E.; Heinrichs, W. P.; Lecomte, G. (eds.). *The Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Vol. IX: San–Sze. Leiden: E. J. Brill. 600 p.
- Biran M., Kim H. (Eds.), 2023. *The Cambridge History of the Mongol Empire*. Volume I: History. Cambridge: Cambridge University Press. 786 p.
- Di Cosmo N., Frank A. J., Golden P. B. (Eds.), 2009. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*. Cambridge: Cambridge University Press. 520 p.
- Favereau M., 2021. *The Horde: How the Mongols Changed the World* [e-book]. Cambridge, MA–London: The Belknap Press of Harvard University Press. P. 478.
- Foltz R., 2019. *A History of the Tajiks: Iranians of the East*. New York: Bloomsbury Publishing. 111 p.
- Hammer-Purgstall J. von, 1840. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: Hartleben. 706 p.
- Holzwarth W., 2006. The Uzbek State as Reflected in Eighteenth-Century Bukharan Sources. *Asiatische Studien. Études Asiatiques*. 60(2). P. 321–353.
- Howorth H.H., 1880. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. Part II: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Division II. London: Longmans. Green. 626 p.
- Jackson P., 2017. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven–London: Yale University Press. 448 p.
- Levi S.C., 2017. *The Rise and Fall of Khoqand, 1709–1876: Central Asia in the Global Age*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 75 p.
- Lee Joo-Yup Lee, 2019. “Turkic Identity in Mongol and Post-Mongol Central Asia and the Qipchaq Steppe”. In: David Ludden (ed.). *The Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. New York: Oxford University Press (Online publication: Dec 2019). 15 p. DOI: 10.1093/acrefore/9780190277727.013.443.
- Manz Beatrice Forbes, 2003. “Multi-Ethnic Empires and the Formation of Identity.” *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 26. No. 1. P. 87–90.
- May T.M., 2012. *The Mongol Conquests in World History*. London: Reaktion Books. 320 p.
- Morgan D., 2007. *Medieval Persia. 1040–1797* (2nd ed.). Harlow: Pearson Longman. 216 p.
- Rossabi M., 1990. The “Decline” of the Central Asian Caravan Trade. In: Tracy, J. D. (Ed.), *The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750*. P. 351–370. Cambridge: Cambridge University Press. 20 p.
- Roy O., 2000. *The New Central Asia: Geopolitics and the Birth of Nations*. New York: New York University Press. 17 p.
- Schuyler E., 1876. *Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja*. Vol. I. London: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington. P. 132-133.
- Vambery A., 2025. *The History of the Turks and the History of Uzbekistan*. Translated by İnalbey Baygüç. Eskişehir: Dorlion Yayınları.
- Wells R.S., Yuldasheva N., Ruzibakiev R., Underhill P.A., Evseeva I., Blue-Smith J., et al., 2001. The Eurasian Heartland: A Continental Perspective on Y-Chromosome Diversity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 98(18). 10244–10249. 6 p.
- Zerjal T., Wells R.S., Yuldasheva N., Ruzibakiev R., Tyler-Smith C., 2002. A Genetic Landscape Reshaped by Recent Events: Y-Chromosomal Insights into Central Asia. *American Journal of Human Genetics*. 71(3). P. 466–482.

Авторлар туралы мәлімет:

Шолахов Мурат Ғарифоллаұлы, магистр, ғылыми қызметкер, Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Пушкин көш., 15б, Астана, Қазақстан Республикасы.

Габдусалимова Мәдина, тарих ғылымдарының кандидаты, бас директордың кеңесшісі, «АТМА – Атырау әуежайы және тасымалдары» АҚ, Әбілқайыр Хан даңғ., 2, Атырау, Қазақстан Республикасы.

Information about authors:

Murat G. Sholakhov, M.A., Research Fellow, Research Institute for the Study of the Jochi Ulus, 15B Pushkin Str., Astana, Republic of Kazakhstan.

Madina Gabdussalimova, Candidate of Historical Sciences, Advisor to the CEO, “АТМА – Атырау Airport and Transport” JSC, 2 Abilkhair Khan Ave., Atyrau, Republic of Kazakhstan.

Сведения об авторах:

Шолахов Мурат Ғарифоллаевич, магистр, научный сотрудник, Научный институт по изучению Улуса Джучи, ул. Пушкина, 15б, Астана, Республика Казахстан.

Габдусалимова Мадина, кандидат исторических наук, советник генерального директора, АО «АТМА – аэропорт Атырау и перевозки», пр. Абулхайыр хана, 2, Атырау, Республика Казахстан.

Вклад авторов:

Шолахов Мурат Ғарифоллаевич: разработка концепции исследования, постановка целей и задач, сбор и анализ источников и историографии, интерпретация западных исследований, написание текста статьи и окончательная редакция.

Габдусалимова Мадина: уточнение теоретико-методологических подходов, научное консультирование по вопросам политической истории и политологии, участие в обсуждении результатов и структурировании выводов, критическое редактирование текста статьи.

Авторлардың үлесі:

Шолахов Мурат Ғарифоллаұлы зерттеудің тұжырымдамасын әзірлеп, мақсаттар мен міндеттерді қойды, дереккөздер мен тарихнамалық материалдарды жинақтап, талдады, сондай-ақ, батыстық зерттеулерді интерпретациялап, мақаланың негізгі мәтінін жазып, соңғы ғылыми редакция жасады.

Габдусалимова Мадина теориялық-әдіснамалық тәсілдерді нақтылап, саяси тарих пен саясаттану мәселелері бойынша ғылыми кеңес берді, нәтижелерді талқылау мен қорытындылардың құрылымын жасауға қатысып, мәтінге сындарлы түзетулер енгізді.

Authors' contributions:

Murat G. Sholakhov development of the overall research concept, formulation of the aims and objectives, collection and analysis of primary sources and historiography, interpretation of Western studies, drafting of the main text of the article and final scholarly revision.

Madina Gabdusalimova refinement of the theoretical and methodological framework, scholarly consultation on issues of political history and political science, contribution to the discussion of results and structuring of the conclusions, critical editing and revision of the manuscript.

Конфликт интересов.

Нет конфликта интересов, связанного со статьей.

Conflict of Interest.

There is no conflict of interest related to this article.

Мүдделер қақтығысы.

Мақалаға байланысты мүдде қақтығысы жоқ.